

Вопросы территории

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ДОКУМЕНТОВ О ШПИЦБЕРГЕНЕ

А.М. Орешенков*

Далеко за Полярным кругом, между Европой и Северным полюсом расположен Шпицберген. В течение длительного времени европейской истории этот северный архипелаг оставался никому не принадлежащей землей. В 70-е годы прошлого века Шпицбергену в результате обмена нотами между рядом европейских государств был придан статус «ничейной земли».

В 1910, 1912 и 1914 годах в Христиании (Осло) прошли международные конференции по разработке конвенции о Шпицбергене. Конвенция предполагала установление на архипелаге кондоминиума трех стран — Норвегии, России и Швеции. Начавшаяся первая мировая война воспрепятствовала урегулированию вопроса о статусе Шпицбергена. Статус Шпицбергена был урегулирован лишь в 1920 году на Парижской мирной конференции.

По договору 1920 года Норвегия получила суверенитет над Шпицбергеном на условиях, определенных в этом документе. В договоре были учтены многие положения проекта конвенции. Отличительной чертой договора явилось наличие в нем положений, предусматривающих регулирование внутригосударственных отношений на Шпицбергене, в частности отношений собственности и некоторых видов деятельности частных лиц и компаний, в соответствии с нормами международного права.

Статьи 5 и 8 договора о Шпицбергене предусматривали разработку международно-правовых документов, регулирующих соответственно научную деятельность и горнорудный промысел. Статья 8 договора обязывала Норвегию разработать и ввести в действие горный устав для Шпицбергена. Этот документ должен был регулировать вопросы приобретения, пользования и осуществления права собственности на земельные участки, включая права на горнорудный промысел¹.

* Аспирант Дипломатической академии МИД Российской Федерации.

Согласно норвежскому законодательству, международный договор автоматически не становится частью норвежского права. Для того чтобы его положения стали обязательными для государственных органов и подданных, договор должен быть включен в норвежское право посредством законодательного акта. Договор о Шпицбергене был введен в действие посредством «Закона о Свальбарде»².

Перечисленные выше документы имеют сходную терминологию. Цель автора заключается в выяснении того, какое значение имеют различия между терминами, используемыми для определения одних и тех же понятий в указанных документах, а также в выявлении неточностей, допущенных при переводе договора о Шпицбергене, горного устава для Шпицбергена и «Закона о Свальбарде» на русский язык. В конечном счете эти различия и неточности весьма затруднили понимание отношений собственности, реально существующих на архипелаге.

Наиболее спорным вопросом режима Шпицбергена является вопрос о статусе так называемых «государственных земель» архипелага. Свое происхождение термин «государственные земли» берет от термина «*domaine public*» (фр.) — «*public lands*» (англ.), использованного в проекте конвенции о Шпицбергене. В статье 41 этого документа на французском языке говорилось: «*Sur le sol du Spitsberg, lequel demeurera toujours domaine public, ne pourra être acquis qu'un droit d'occupation et d'exploitation sujet aux conditions et restrictions de la présente Convention*» («На земле Шпицбергена, которая постоянно остается общей собственностью, право занятия земель и пользования ими может быть достигнуто только в соответствии с условиями и ограничительными положениями данной Конвенции»).

В данной статье земли Шпицбергена определены как «общая собственность» — «*domaine public*» (фр.) или «общественные земли» — «*public lands*» (англ.). Выбор такого определения можно объяснить тем, что по условиям конвенции после установления на Шпицбергене кондоминиума Норвегии, России и Швеции вся сухопутная территория архипелага становилась общим достоянием, открытым для пользования всеми частными лицами и компаниями стран—участниц конвенции. По условиям конвенции юридические и физические лица могли приобретать на Шпицбергене земельные участки на условиях срочного пользования, но не в собственность, а государства, подписавшие ее, могли приобретать землю на тех же условиях только для научных, гуманитарных и религиозных целей.

Договор о Шпицбергене не предусматривал предоставления норвежскому государству как носителю суверенитета над архипелагом права распоряжения землями Шпицбергена и соответственно права собственности на эти земли. Договор предусматривал

возможность приобретения исключительного права собственности на земельные участки частными лицами и компаниями, поэтому земли Шпицбергена по договору не могли быть общим достоянием в том смысле, как это определено в проекте конвенции. В этой связи следует отметить, что никакой необходимости применения понятия «общее достояние» — «государственные земли» ни в договоре о Шпицбергене, ни в разрабатываемых в соответствии с ним и на его основе документах не было.

Важное значение для понимания отношений собственности, существующих на архипелаге, имеют термины, определяющие права частных лиц и компаний на земельные участки, а также их права на горнорудный промысел. Среди таких терминов договора в первую очередь следует назвать «земельный участок». Он встречается в третьем абзаце статьи 2, во втором абзаце статьи 4, в §1 и §2 приложения к договору. Он также встречается во втором абзаце статьи 6 и в первом абзаце статьи 7, но только английского текста договора.

В английском тексте договора для определения понятия «земельный участок» использованы термины «property», «landed property» и «land». Во французском — «fond de terre», «bien-fond» и «terrain». Поскольку есть необходимость сравнения терминов договора с аналогичными терминами горного устава и «Закона о Свальбарде», которые разрабатывались на норвежском языке, постольку следует указать, как эти термины переведены на норвежский язык. В переводе договора на норвежский язык это «grunnstykke», «landområde» и «felt». В переводе на русский язык все вышеуказанные термины фигурируют как «земельный участок».

Здесь же следует назвать используемый во втором абзаце статьи 4 термин, определяющий владельца участка земельной собственности³. В английском языке это «owner of landed property», во французском — «propriétaire d'un bien-fond». На норвежский язык он переведен как «eier av grunnstykke».

Среди перечисленных выше терминов наибольший интерес представляет английский термин «property». Он использован в значении «земельный участок» в третьем абзаце статьи 2 договора. Во втором абзаце статьи 4 он использован в термине «owner of landed property» («владелец участка земельной собственности»). Термин «property» использован также в первом абзаце статьи 7 договора, где говорится: «With regard to methods of acquisition, enjoyment and exercise of the right of ownership of property, including mineral rights, in the territories specified in Article 1, Norway undertakes to grant to all nationals of the High Contracting Parties treatment based on complete equality and in conformity with the stipulations of the present Treaty» («Норвегия обязуется в местностях, указанных в статье 1,

предоставить всем гражданам Высоких Договаривающихся Сторон в отношении способов приобретения права собственности, пользования им и его осуществления, включая право заниматься горным делом, режим, основанный на полном равенстве и согласный с постановлениями настоящего Договора»)*.

Поскольку частные лица и компании приобрели право собственности на земельные участки на основании статьи 7 договора, то выражение «the right of ownership of property, including mineral rights» в первую очередь можно перевести на русский язык как «право собственности на земельные участки, включая права на горнорудный промысел». Термин «property» в данном контексте может иметь также и более широкое толкование.

В тексте договора на французском языке эквивалентом вышеуказанного определения является выражение «droit de propriété y compris des droits miniers» («право собственности, включая права на горнорудный промысел»). Здесь, несмотря на содержащееся в третьем абзаце статьи 10 указание об аутентичности текстов договора на английском и французском языках, имеется небольшое расхождение.

Неправильно переведен на русский язык термин «droits miniers» (фр.) — «mineral rights» (англ.). В официальном переводе на русский язык он фигурирует как «право заниматься горным делом». Следует отметить, что во французском и английском текстах договора это выражение используется во множественном числе, то есть в тексте договора речь идет как минимум о двух различных правах. Кроме того, следует отметить, что, например, по норвежскому горному законодательству для разработки месторождений полезных ископаемых необходимо иметь лицензию на месторождение, концессию, дающую право заниматься горным делом, и горный отвод, в пределах которого реализуются вышеуказанные права⁵.

Для выяснения вопроса о том, что представляет собой термин «droits miniers» — «mineral rights», необходимо рассмотреть, каковы были права частных лиц и компаний на земельные участки до подписания договора и как предусматривалось их трансформировать в рамки режима, устанавливаемого Норвегией на архипелаге.

Статья 6 договора о Шпицбергене предусматривала признание прав, приобретенных частными лицами и компаниями до подписания договора. Для вышеназванных лиц каких-либо ограничений в праве заниматься любым видом хозяйственно-экономической деятельности и в праве на недра в пределах земельных участков до подписания договора не существовало. Поэтому приобретенные права представляли собой право на земельные участки, включая полезные ископаемые в их недрах, и право заниматься любым видом хозяйственно-экономической деятельности в пределах этих

участков. Приобретенные права были неотделимы друг от друга и представляли собой единое целое. Вместе с тем в договоре не конкретизировалось и в силу того, что до подписания договора Шпицберген имел статус «ничейной земли», не могло быть конкретизировано, располагали ли юридические и физические лица правом собственности, правом пользования или каким-либо другим правом на земельные участки.

Международные органы (комиссар или международный третейский суд) должны были признать эти приобретенные права и обоснованность претензий частных лиц и компаний на занятые земельные участки, а норвежское правительство — выдать юридическим и физическим лицам документы об исключительном праве собственности на занятые земельные участки. Для частных лиц и компаний данная процедура представляла собой приобретение права собственности на земельные участки на условиях статьи 7 договора.

В соответствии с этой статьей составной частью права собственности на земельные участки являются права на горнорудный промысел. Право собственности позволяет частным лицам и компаниям осуществлять право на полезные ископаемые и право заниматься горным делом в пределах земельных участков, поэтому положения договора не предусматривали, что физические и юридические лица будут приобретать горные отводы для осуществления прав на горнорудный промысел. С учетом вышеизложенного можно сказать, что термин «*droits miniers*» — «*mineral rights*» включает в себя только право на полезные ископаемые и право заниматься горным делом и должен быть переведен на русский язык как «права на горнорудный промысел».

Несмотря на то что договор не предусматривал приобретение горных отводов для реализации прав на горнорудный промысел, по горному уставу в первую очередь горный отвод, а не земельный участок является основой осуществления этих прав. По горному уставу право на горнорудный промысел представляет собой единое целое с горным отводом. В пункте 1 §14 горного устава говорится: «...*utmåls haveren har eirvervet enerett til å utvinne alle i §2 nevnte mineraler og bergarter ved bergverksdrift innenfor utmålet...*» (норв.) («...держатель горного отвода приобретает исключительное право добывать все полезные ископаемые и горные породы, указанные в §2, путем горных разработок в пределах горного отвода...»).

В тексте горного устава на норвежском языке для определения горного отвода использован термин «*utmål*». Для понимания того, что термин «*utmål*» представляет собой именно горный отвод, а не земельный участок, требуется проведение отдельного исследования⁶. Кроме того, следует рассмотреть и то, каким образом права на горнорудный промысел стали составной частью горных отводов.

Эта процедура описана в главе VII горного устава «Переходные положения».

Согласно §34 горного устава, лица, занимавшие земельные участки до подписания договора, с момента вступления договора в силу и до момента признания правомерности их претензий на эти участки имели, по сути дела, исключительное право заниматься горнорудным промыслом в пределах своих участков. В течение десяти лет с момента получения документов об исключительном праве собственности на земельные участки те же лица, ставшие владельцами своих участков, по-прежнему располагали исключительным правом заниматься горнорудным промыслом. Неизвестно, в силу каких причин авторы горного устава «забыли» упомянуть в главе VII о праве вышеуказанных лиц на полезные ископаемые. Строго говоря, отсутствие этого права не позволило бы им добывать полезные ископаемые в пределах своих земельных участков в указанный период.

В течение десяти лет собственники земельных участков имели возможность, говоря языком §35 горного устава, получить «столько горных отводов, сколько они пожелают в пределах своего района собственности», и стать держателями горных отводов. Если собственники «приобретали» горные отводы в пределах своих земельных участков, они приобретали вместе с ними как право заниматься горным делом, так и право на полезные ископаемые. Но реализовали они эти права уже в качестве держателей и только в пределах горных отводов. Таким образом, в результате разработки горного устава на принципах, отличающихся от принципов договора, была подменена основа осуществления прав на горнорудный промысел.

Если же собственники земельных участков не могли или не хотели приобретать горные отводы в пределах своих владений, за ними все же сохранялось право заниматься горным делом, но в существенно ограниченном виде: они могли реализовать это право только в том случае, если какое-либо другое юридическое или физическое лицо приобретало горные отводы в пределах их земельных участков. В таком случае собственники земельных участков имели право участия до $\frac{1}{4}$ доли деятельности держателя горного отвода (п. 1 §19 горного устава).

Таким образом, собственники земельных участков, во-первых, были лишены права на полезные ископаемые в пределах своих владений. Во-вторых, они были существенно ограничены в праве заниматься горным делом. Кроме того, права на горнорудный промысел в противоречие статье 7 договора фактически были отделены от права собственности на земельные участки, а основой осуществления прав на горнорудный промысел по горному уставу стали горные отводы.

В тексте горного устава на норвежском языке не повторяется ни один из терминов, используемых для определения земельного участка в договоре о Шпицбергене. В горном уставе для этого используются термины «område» («район») (§34 и 35), «eiendomsområde» («район собственности») (§35) и «eiendom» («собственность») (§7 и 35). Кроме того, для определения различных видов земель на Шпицбергене используются термины «grunn» «земля/земли» (§19 и 20), «statens grunn» («государственные земли») (§7) и «fornøden grunn» («земельный отвод») (§20).

В связи с различием терминологии договора и горного устава было бы весьма желательно, чтобы авторы горного устава указали в сносках, что вышеуказанные термины имеют то же значение, что и «земельный участок», или дать им юридическое определение, если они имеют другое значение. Последнее особенно актуально в отношении второй группы терминов. Поскольку авторы горного устава не сделали этого, данную задачу придется решить автору данной статьи.

Термины второй группы объединяет применение слова «grunn» в различных сочетаниях с другими словами, а также то, что эти термины обозначают различные участки земной поверхности Шпицбергена без недр. Наиболее универсальным смыслом обладает слово «grunn». Оно обозначает любой участок, любую часть земель Шпицбергена. Это слово имеет собирательный характер и обозначает земли как в единственном, так и во множественном числе. Кроме того, слово «grunn» означает «землю» в значении «почва, грунт». Присоединением к слову «grunn» слова «fornøden» («необходимая») авторы горного устава создали, например, образ юридического понятия «земельный отвод».

Термин «statens grunn» («государственные земли») используется в пункте 1 §7 горного устава, где говорится: «Søkning efter naturlige forekomster av i §2 nevnte mineraler og bergarter kan foretas så vel på egen som på annen manns eiendom og på statens grunn» (норв.) («Разведку месторождений минералов и горных пород, указанных в §2, можно вести как на своей, так и на чужой собственности и на государственных землях»). В тексте горного устава на английском языке та же фраза звучит как: «The search for natural deposits of the minerals and rocks mentioned in section 2 may be made on one's own property as on that of any other party and on the Public Lands».

Прежде чем продолжить рассмотрение вопроса о «государственных землях», следует обратить внимание на то, что в контексте договора английский термин «property» означает прежде всего «земельный участок» и в переводе договора на норвежский язык фигурирует как «grunnstykke». В тексте горного устава на норвежском языке термин «земельный участок» уже фигурирует как «eien-

dom». Термин «eiendom» в контексте договора о Шпицбергене в первую очередь означает «собственность», а в контексте горного устава равнозначен «земельному участку».

Термины «*domaine public*» (фр.) — «*public lands/state lands*»⁷ (англ.) в норвежском тексте горного устава фигурируют как «*statens grunn*». Это используемое в горном уставе выражение переведено с норвежского языка на русский как «государственные земли». Определения «государственным землям» ни в §7, ни в других параграфах горного устава не дается.

По горному уставу термин «государственные земли» предполагает различные взаимоисключающие варианты его понимания. То есть, с одной стороны, как земли, являющиеся национальным достоянием и принадлежащие норвежскому государству как субъекту международного права, а с другой — как земли, принадлежащие норвежскому государству как юридическому лицу. Причем в английском тексте в первом случае акцент смещен в сторону норвежского государства как субъекта международного права, а во втором — как юридического лица. С учетом положений проекта конвенции о Шпицбергене и в связи с отсутствием в горном уставе определения «государственным землям» можно говорить о данном понятии как о модифицированном «общем достоянии».

В горном уставе не используется применяемый в договоре о Шпицбергене термин «собственник земельного участка». Вместо него используется термин «собственник земли» — «*grunneier*» (§ 8, 19 и 20) и «*ei av grunn*» (§19). Этому термину, как и термину «*grunn*», в горном уставе не дается юридического определения. Он представляет собой синтез терминов «eiendom» («собственность») и «*grunn*» («земля/земли»). К категории «собственников земли» можно отнести лиц, занимавших земельные участки до подписания договора и приобретших затем право собственности на них. К ним же условно можно отнести и норвежское государство, но окончательно вопрос о его принадлежности к разряду «собственников» можно решить, лишь определив статус «государственных земель».

Государство, располагая полным и абсолютным суверенитетом, устанавливает на своей территории порядок землепользования для физических и юридических лиц. На тех же основаниях государство может объявить себя владельцем части или всех земель в пределах своей территории или приобрести право собственности на земли в качестве юридического лица в соответствии с установленным им же самим порядком.

По договору о Шпицбергене Норвегия не получила права распоряжаться землями архипелага, так как она должна была установить на архипелаге режим, в соответствии с которым частные лица и компании должны были приобретать, пользоваться и осуществлять

право собственности на земельные участки, включая права на горнорудный промысел, в соответствии с нормами международного права, реализуемыми без трансформации во внутреннее законодательство. Однако в связи с разработкой горного устава на принципах, отличающихся от принципов договора, в законодательстве Шпицбергена отсутствует процедура, согласно которой частные лица и компании могли бы приобретать это право в пределах «государственных земель».

В силу такой неурегулированности особое значение приобрел терминологический аспект проблемы о праве собственности Норвегии на «государственные земли». В своей практической деятельности норвежские государственные органы расширительно толкуют содержание этого права. Причем их попытки утвердить право собственности норвежского государства на эти земли основаны главным образом на использовании термина «собственник земли» для регулирования отношений собственности между юридическими и физическими лицами, приобретающими горные отводы в пределах «государственных земель», и норвежским государством.

Согласно §2 горного устава, норвежское государство было поставлено в один ряд с юридическими и физическими лицами в отношении прав на горнорудный промысел. Положения горного устава, в первую очередь главы IV, сформулированы таким образом, что они определяют отношения собственности только между держателем горного отвода и «собственником земли». Апеллируя к общепринятым нормам права, замалчивая неурегулированный статус «государственных земель» и используя синтезированный термин «собственник земли», Норвегия выдвигает претензии о праве собственности на «государственные земли» архипелага Шпицберген как юридическое лицо. На таких условиях норвежское государство заключило, например, договоры с советским производственным объединением «Арктикуголь» и американской компанией «Калтекс» об участии в горнорудном промысле этих двух компаний, приобретших горные отводы в пределах «государственных земель».

Термины проекта конвенции о Шпицбергене, договора о Шпицбергене и горного устава для Шпицбергена, упоминавшиеся в данной статье, фигурируют в § 12—13 и 22—29 «Закона о Свальбарде», где они подвергнуты дальнейшей эрозии. Так, «государственные земли» фигурируют как «statsgrunn», «statens grunn»; «земельный участок» — как «fast eiendom» (недвижимая собственность), «privat eiendom» (частная собственность), «eiendom» (собственность), «grunn» (земля/земли), «privat grunn» (частная земля); «горный отвод» — как «bergverksrettigheter» (права на горнорудный промысел), «utmål» (горный отвод), «bergverksutmål»

(горный отвод под горнорудный промысел); «собственник земельного участка» — как «privat eier over grunn» (частный собственник земли), «eier av fast eiendom» (владелец недвижимой собственности), «grunneier» (собственник земли).

В «Зако́не о Свальбарде» термины, обозначающие «собственника земельного участка», корреспондируют только с терминами, обозначающими земельные участки, но не связаны с «государственными землями», как это имеет место в горном уставе. В этой связи особый интерес представляет то обоснование права собственности Норвегии на «государственные земли», которое дается в первом абзаце §22 «Закона о Свальбарде». Это обоснование нужно рассмотреть с учетом положений первой части первого абзаца §23 того же закона, так как в этих параграфах говорится о землях, представляющих собой две составные части территории Шпицбергена.

В §22 говорится: «All grunn⁸, som ikke blir tilkjent nogen til eiendom efter Svalbardtraktaten, er statsgrunn og er som sådann undergitt statens eiendomsrett» («Все земли, которые не признаются за кем-либо в собственность по договору о Шпицбергене, являются государственными землями и как таковые подчинены праву собственности государства»). В §23 говорится: «Over grunn som er tilkjent privat eier efter Svalbardtraktaten...» («На землях, которые признаны за частным собственником по договору о Шпицбергене...»).

Для того чтобы понять смысл вышеприведенных фраз, в первую очередь следует сравнить временные формы глаголов в этих фразах и глагола «признавать». В третьем абзаце статьи 2 договора речь идет о «лицах, занимающих земли, права которых признаются». В тексте договора на английском языке глагол «признавать» используется в настоящем совершенном времени в форме страдательного залога — «have been recognized», во французском языке — в будущем времени в форме страдательного залога — «seront reconnus».

Различие временных форм глагола «признавать» в английском и французском языках делает необходимым выяснение того, какой смысл заложили авторы договора в вышеприведенную фразу. Договор предусматривал создание на архипелаге режима, основанного на полном равенстве в отношении способов приобретения права собственности на земельные участки для всех граждан и подданных стран—участниц договора. Поэтому можно сказать, что в третьем абзаце статьи 2 договора речь идет о всех вышеуказанных лицах. Их права на земельные участки были признаны, находятся в процессе признания или будут признаны в будущем. На норвежский язык этот глагол переведен как «blir anerkjent» (настоящее время в форме страдательного залога) («признаются»).

Сравнение временных форм глаголов третьего абзаца статьи 2 договора о Шпицбергене (*blir anerkjent*) и первой части первого абзаца §23 «Закона о Свальбарде» (*blir tilkjent*) позволяет предположить, что оба глагола предусматривают существование в рамках режима Шпицбергена процедуры приобретения права собственности на земельные участки, которая была, существует и будет повторяться в будущем. Кроме того, такая процедура предполагает, что «государственные земли» Шпицбергена представляют собой меняющуюся часть территории архипелага.

В первом абзаце §23 «Закона о Свальбарде» глагол «признавать» употреблен в той же временной форме и в том же залоге, что и в §22, но в другой грамматической форме — «*er tilkjent*» («признаны»). Применение глагола «признавать» в другой грамматической форме, отличающейся от формы глаголов «признавать» в §22 «Закона о Свальбарде» и третьем абзаце статьи 2 договора, без каких-либо указаний на то, что он несет на себе такую же смысловую нагрузку, означает действие, которое завершилось к настоящему времени.

С учетом того, что в рамках режима Шпицбергена отсутствует процедура приобретения права собственности на новые земельные участки, использование глагола «признавать» в форме «*er tilkjent*» в §23 «Закона о Свальбарде» в настоящее время можно понять только так, что в этом параграфе речь идет о землях, право собственности на которые приобрели лишь лица, занимавшие земельные участки до подписания договора, и эти земли, в свою очередь, представляют собой определенную, не меняющуюся часть территории Шпицбергена.

С учетом вышеизложенного глагол «*blir tilkjent*» в первой части первого абзаца §22 «Закона о Свальбарде» приобретает двоякий смысл. С одной стороны, он предполагает, что все юридические и физические лица стран—участниц договора приобретали, приобретают и будут приобретать право собственности на земельные участки на архипелаге на условиях, определенных в договоре о Шпицбергене. С другой стороны, отсутствие процедуры приобретения права собственности на новые земельные участки приводит к тому же выводу, что и в случае с глаголом «*er tilkjent*». Различие грамматических форм глаголов в вышеуказанных абзацах делает невозможным понимание того, что же реально представляет собой термин «государственные земли» — всю территорию архипелага, фиксированную или меняющуюся части территории Шпицбергена?

Несмотря на сходство глаголов «*anerkjenne*» и «*tilkjenne*» и применение их в одной и той же временной форме в третьем абзаце статьи 2 договора о Шпицбергене и в первой части первого абзаца

§22 «Закона о Свальбарде», они имеют различный смысл. Суть этого различия заключается в следующем.

По договору о Шпицбергене международные органы признавали приобретенные права и обоснованность претензий частных лиц и компаний на земельные участки. Норвежское государство, исполняя положения договора, выдавало документы об исключительном праве собственности на земельные участки вышеуказанным лицам. Признание приобретенных прав и выдача соответствующих документов представляли собой юридические действия международных органов и норвежского государства. Выдачу документов об исключительном праве собственности на земельные участки можно рассматривать как признание права собственности частных лиц и компаний на земельные участки со стороны норвежского государства. Но такое признание представляет собой не юридическое действие, а юридическое событие. Формулировки §22 и 23 «Закона о Свальбарде» как раз предполагают признание права собственности частных лиц и компаний на земельные участки со стороны норвежского государства. Таким образом, глагол «*anerkjenne*» в третьем абзаце статьи 2 договора о Шпицбергене характеризует юридическое действие, а глагол «*tilkjenne*» в «Зако́не о Свальбарде» — юридическое событие.

Вторая часть первого абзаца §22 «Закона о Свальбарде» также имеет неоднозначный смысл. С учетом того, что в этой фразе глагол «*er undergitt*» используется в той же форме, что и глагол «признавать» в §23 того же закона, эта фраза предполагает, во-первых, что Норвегия с момента вступления договора в силу располагала правом собственности на «государственные земли», и, во-вторых, что на «государственных землях» с того же момента применялись и применяются нормы норвежского законодательства в вопросах приобретения, пользования и осуществления права собственности на земельные участки.

Как было рассмотрено выше, Норвегия по договору о Шпицбергене не получила права распоряжаться землями архипелага и, следовательно, не имела и не имеет права объявить себя владельцем части или всех земель Шпицбергена. Кроме того, в соответствии с положениями договора о Шпицбергене на архипелаге должны применяться нормы международного права для регулирования отношений собственности, касающихся земельных участков. Поэтому вторая часть первого абзаца §22 «Закона о Свальбарде» при любых предположениях противоречит положениям договора о Шпицбергене.

Проведенное в данной статье сравнение некоторых терминов проекта конвенции о Шпицбергене, договора о Шпицбергене, горного устава для Шпицбергена и «Закона о Свальбарде» будет не-

полным без объяснения ряда проблем, связанных с разработкой и введением в действие горного устава.

Согласно шестому абзацу статьи 10 договора, Норвегия должна была представить проект горного устава странам—участницам договора после вступления договора в силу. В соответствии со статьей 8 она должна была сделать это за три месяца до предполагаемой даты введения горного устава в действие. Если хотя бы одна из стран—участниц договора предложила внести в него изменения, Норвегия должна была сообщить о них остальным странам и созвать международную комиссию, состоящую из девяти членов — по одному от каждой из вышеуказанных стран. Эта комиссия должна была утвердить горный устав простым большинством голосов.

По просьбе Норвегии Верховный совет Парижской мирной конференции после согласования с другими странами согласился с тем, чтобы Норвегия представила проект горного устава странам—участницам договора до вступления договора в силу. Норвегия в противоречие определенной в договоре процедуре провела односторонние переговоры со Швецией и Англией до рассылки проекта горного устава странам—участникам договора. После получения проекта, направленного всем странам—участникам договора, с рядом замечаний выступили Нидерланды. Норвегия не сообщила о них другим странам и не созвала международную комиссию, но путем односторонних действий, не имевших ничего общего со Шпицбергом, добилась того, что Нидерланды сняли свои возражения.

Несмотря на то что горный устав по сути своей является документом международного права и разработка его велась путем международных переговоров, что не требуется при разработке актов внутреннего законодательства, Норвегия ввела его в действие не как документ международного права, а как акт внутреннего законодательства. Горный устав был включен в норвежское право посредством королевского предписания от 7 августа 1925 г. С точки зрения норвежского права основанием для этого предписания является не статья 8 договора о Шпицбергене, а §4 «Закона о Свальбарде», в котором содержится положение о том, что король может издавать общие предписания по широкому кругу вопросов, включая горнорудный промысел.

В этой связи следует отметить, что страны—участницы договора могли воспринимать горный устав только в контексте договора о Шпицбергене и проекта конвенции о Шпицбергене, так как «Закон о Свальбарде» был представлен на рассмотрение стортингу только в 1924 году, то есть четыре года спустя после переговоров со шведами и три года спустя после рассылки текста горного уста-

ва всем странам—участницам договора. В самом тексте горного устава не содержится никаких указаний о том, что он представляет собой акт норвежского законодательства. Избранный норвежцами путь решения вопроса о характере горного устава свидетельствует скорее об их стремлении любой ценой защищать интересы своего государства, но не следовать положениям договора о Шпицбергене.

Как было рассмотрено выше, в разработанном норвежцами горном уставе ряд терминов и положений не имеет четкой и однозначной юридической определенности. Толкование этих терминов и положений с позиций внутреннего законодательства приводит к одним выводам, а толкование с позиций договора — зачастую к совершенно противоположным. Сходную картину представляет собой и вопрос о языках горного устава. Первоначальный текст проекта горного устава был разработан на норвежском языке и в таком виде представлен на переговоры со шведами⁹. Всем странам—участницам договора горный устав был разослан на норвежском, французском и английском языках, причем английский и французский тексты фигурировали как переводы¹⁰.

Договор о Шпицбергене составлен на французском и английском языках, и в нем содержится указание об аутентичности текстов на этих языках. Такого же положения нет в горном уставе. То, что страны—участницы договора не придали этому значения, можно объяснить тем, что горный устав должен был регулировать внутригосударственные отношения на Шпицбергене и не подлежал подписанию всеми сторонами.

Вместе с тем следует отметить, что переговоры относительно текста горного устава за пределами Северной Европы велись не на скандинавских языках, а отношение большинства стран—участниц договора к горному уставу формировалось на основе восприятия текстов на английском и французском языках. С учетом принципа равного подхода, зафиксированного в ряде статей договора, граждане или подданные любой из стран—участниц договора могут ссылаться на результаты этих переговоров и на молчаливое согласие ряда стран—участниц договора с положениями горного устава, базирующееся на их восприятии текстов горного устава на английском и французском языках, для защиты своих интересов.

Автор данной статьи не располагает сведениями о том, проводили ли страны—участницы договора сравнение текстов горного устава на трех языках. Вероятность проведения такого сравнительного анализа невелика. Но необходимость в его проведении существует, поскольку различия между текстами на норвежском и особенно английском языках носят принципиальный характер.

Выше уже были рассмотрены в общих чертах такие различия в пункте 1 § 7 горного устава. Кроме этого нужно рассмотреть пункт 1 §19 горного устава. На норвежском языке этот пункт гласит: «Eier av grunn på hvilken utmål er gitt, har rett å delta i driften inntil en fjerdedel» («Собственник земли, на которой дан горный отвод, имеет право участия до $\frac{1}{4}$ доли в деятельности»). Текст на английском языке гласит: «The proprietor of any private ground on which a claim has been given is entitled to a participation in the operations for not exceeding one fourth» («Собственник частной земли, на которой дан горный отвод, имеет право участия до $\frac{1}{4}$ доли в деятельности»).

Термин «собственник частной земли», отличающийся от термина «owner of landed property» («владелец участка земельной собственности»), в контексте договора и горного устава все же означает не абстрактное юридическое или физическое лицо, располагающее правом собственности на абстрактные земли. Этот термин означает частные лица и компании, приобретшие право собственности на земельные участки в соответствии с процедурой, указанной в договоре. Норвежское государство как юридическое лицо не прошло данной процедуры и поэтому не могло использовать данный термин для обоснования своих претензий о праве собственности на «государственные земли». Оно избрало другой путь для защиты своих интересов.

Разработка горного устава велась поэтапно путем односторонних переговоров Норвегии с рядом стран—участниц договора. В §18 первоначального текста горного устава на норвежском языке, переданном шведам в 1920 году, говорилось: «Eieren av privat grunn, på hvilken utmål er gitt, har rett å delta i driften for et tiendedel» («Собственник частной земли, на которой дан горный отвод, имеет право участия на $\frac{1}{10}$ доли в деятельности»). Имеющиеся в государственном архиве Швеции материалы свидетельствуют о том, что шведы не обратили внимания на термин «собственник частной земли». Норвежцы при передаче текста горного устава на трех языках всем странам — участницам договора не сочли необходимым проинформировать шведов о внесенных изменениях в текст горного устава на норвежском языке. В то же время в тексте горного устава на английском языке данный термин остался без изменений.

Используемый в горном уставе термин «statens grunn» («государственные земли») обозначает часть земной поверхности Шпицбергена, но не недра архипелага. В этой связи весьма интересно сравнить норвежский и английский тексты пункта 5 §9 горного устава, где речь идет о приобретении прав на незанятые месторождения. Текст на норвежском языке гласит: «... når nogen vil opta en forekomst som er falt i det fri...» («... когда кто-либо займет осво-

дившееся месторождение...»). Текст на английском языке гласит: «... when any party will take up a deposit which has reverted to the Public Lands...» («... когда кто-либо займет месторождение, которое отошло к государственным землям...»).

Согласно положениям горного устава, месторождения полезных ископаемых могут освобождаться как в пределах «государственных земель», так и в пределах частных владений. Расположенные под землей в пределах частных владений месторождения полезных ископаемых ни при каких обстоятельствах не могут отойти к «государственным землям», представляющим собой земную поверхность Шпицбергена. В данном контексте понятие «public lands» («государственные земли») теряет всякий смысл.

Следует также обратить внимание на одно из положений горного устава, которое одинаково звучит в английском и норвежском текстах горного устава. В §6 горного устава, содержание которого дает первоначальное представление об отношениях собственности на архипелаге, говорится: «Members of the Public Service of Spitsbergen are not allowed... to be proprietor of, or partner in any claims...» («Сотрудникам официальных учреждений Шпицбергена не разрешается... быть собственниками или совладельцами горных отводов...»).

Сравнительный анализ положений горного устава позволяет сделать вывод о том, что горный отвод приобретает на условиях срочного пользования. Во всех остальных случаях в горном уставе для определения лица, располагающего правом пользования горным отводом, используется термин «держатель горного отвода». Вопрос о том, почему авторы горного устава использовали в §6 термин «собственник горного отвода», носит скорее моральный, а не юридический характер.

В разработанном норвежцами горном уставе ряд положений не имеет четкой и однозначной юридической определенности. К их числу относится вопрос о том, в каком суде — международном третейском или норвежском — обжалуются решения горного инспектора, касающиеся приобретения прав на горные отводы. Параграф 13 горного устава лишь предусматривает возможность обжалования решений горного инспектора по этому вопросу. Согласно принципу равного подхода, зафиксированному в ряде статей договора о Шпицбергене, как вопросы приобретения прав на земельные участки, так и вопросы приобретения прав на горнорудный промысел в спорных случаях должны решаться в международном третейском суде. По мнению автора данной статьи, все спорные вопросы, касающиеся горного устава, должны решаться не в норвежских, а в международных судах.

¹ См. подробнее Орешенков А.М. Некоторые особенности международно-правового режима Шпицбергена//Московский журнал международного права. — 1992.— № 3.

² Свальбард — официальное название Шпицбергена.

³ Здесь и далее в авторском тексте данный термин равнозначен термину «собственник земельного участка».

⁴ Первый абзац статьи 7 в официальном переводе текста договора на русский язык. Некоторые ошибки этого перевода будут рассмотрены ниже.

⁵ См. Egil Gullbransen. Juridisk leksikon. — S.131.

⁶ См. подробнее Орешенков А.М. О праве собственности Норвегии на «государственные земли» Шпицбергена по горному уставу//Московский журнал международного права. — 1994.— № 3.

⁷ В текстах горного устава, изданных норвежцами на английском языке в разные годы, использованы различные термины.

⁸ Термин «grunn» в «Зако́не о Свальбарде» имеет то же значение, что и в горном уставе.

⁹ См. Svenska Riksarkivet. UD:s arkiv. — 1902-års dossiersystem. — Volum 316. — Akt No. XXIII.

¹⁰ Ibid. — 1920-års dossiersystem. — Volum 1984. — Akt No. VI.

Статья получена редакцией в апреле 1995 года.